

пользовал, чтобы приглашать к обеду ведущих командиров войска, и порой случалось, что король перехватывал кое-кого из моих гостей.

Расскажу вам, что я видел, как отправлялось правосудие и выносились приговоры в Кесарии, пока там находился король. Первым делом я упомяну историю рыцаря, который был арестован в борделе и которому, по обычаям этой страны, был предоставлен выбор. Или его вместе с проституткой могли с позором провести через лагерь в одной рубашке и связанного, или же он отдавал коня и оружие и его выгоняли из армии. Рыцарь отдал королю лошадь и оружие, после чего покинул лагерь. Я пришел к королю и попросил его передать коня мне для бедного воина из моего отряда. Король ответил, что просьба неуместна, поскольку лошадь все же стоит восемьдесят ливров. На что я сказал ему: «Вы нарушаете соглашение со мной, поскольку рассердились на мою просьбу». Он от души рассмеялся и ответил мне: «Можешь говорить, что хочешь, но я на тебя не рассердился». Тем не менее коня я так и не получил.

Второй приговор был таков. Когда несколько рыцарей из нашего отряда охотились на дикое животное газель (вид антилоп), на них налетели госпитальеры и силой прогнали их. Я обратился с жалобой к настоятелю госпитальеров. Он сказал, что в соответствии с обычаями Святой земли он возместит обиду тем, что прикажет госпитальерам, совершившим этот поступок, есть, сидя на своих плащах, – пока те, кого они оскорбили, не попросят их подняться.

Настоятель поступил с ними как и обещал. Когда я увидел, что они едят в таком положении, то пошел к настоятелю, которого застал за обедом, и попросил его сказать этим людям, чтобы они поднялись; рыцари, которым нанесли оскорбление, обратились с такой же просьбой. Настоятель сказал, что не сделает ничего подобного, поскольку не может позволить, чтобы члены его ордена так безобразно вели себя по отношению к пилигримам, прибывшим на Святую землю. Услышав это, я сел на землю рядом с госпитальерами и стал есть вместе с ними, сказав настоятелю, что не поднимусь, пока и они не встанут. Он сказал, что я просто вынуждаю его, и удовлетворил мою просьбу. Затем он пригласил меня и тех рыцарей, что были со мной, отобедать за его столом, а госпитальеры присоединились к своим сотоварищам за другим.

Третий приговор, вынесенный в Кесарии, был таков: один из оруженосцев короля по имени Ле Гулю пустил в ход руки против рыцаря из моего отряда. Я пожаловался королю, который сказал, что, по его мнению, я могу оставить это дело в покое, поскольку оруженосец всего лишь толкнул моего рыцаря. Я же ответил, что отзываться жалобу не буду, и, если он не решит дело по справедливости, я оставляю его службу, поскольку его оруженосцам разрешено толкать рыцарей.

И тогда король разрешил дело по справедливости в соответствии с обычаями этой земли: оруженосец пришел к моему жилищу босым, только в рубашке и панталонах, с обнаженным мечом в руке. Он встал на колени перед рыцарем, которого оскорбил, и, взяв меч за острие, протянул рыцарю его рукоять. «Мессир, – сказал он, – я пришел простить прощения за то, что поднял на вас руку, и даю вам меч, чтобы вы могли отсечь эту руку у запястья, если хотите того». Я попросил рыцаря простить оскорбление, и он согласился.

Четвертое вынесенное наказание было следующим: брат Гуго де Жуа, маршал храмовников, был послан гроссмейстером этого ордена к султану Дамаска, чтобы обговорить соглашение относительно большого участка земли, принадлежавшего храмовникам, который султан хотел разделить так, чтобы ему принадлежала одна половина участка, а храмовникам – вторая. Соглашение было достигнуто и подлежало одобрению короля. Вместе с братом Гуго прибыл и эмир, присланный султаном Дамаска, а также документ, доказывающий, что договор был подписан надлежащим образом.

Тем не менее, когда гроссмейстер храмовников рассказал обо всем этом королю, его величество очень удивился и сказал, что составить такое соглашение, предварительно не посоветовавшись с ним, – это очень смело. За этим, сказал король, должно последовать наказание. Оно обрело вот такую форму: король откинул пологи трех своих шатров, и все рядовые члены армии получили право войти в них и посмотреть, что происходит. Гроссмейстер храмовников и все его рыцари босыми прошли через лагерь, потому что они обитали вне его. Король заставил гроссмейстера храмовников и посланца султана сесть перед ним и громким голосом обратился к первому из них. «Гроссмейстер, – сказал он, – объясните послу султана, что вы сожалеете о том, что заключили такой договор, не поговорив предварительно со мной. И добавьте, что, поскольку не посоветовались со мной, вы должны освободить султана от обязательств по соглашению, которое он заключил с вами, и вернуть все документы». Гроссмейстер храмовников достал текст соглашения и про-